

Балтийская сравнительно-историческая и литовская историческая акцентологии

В. А. Дыбо

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

0. Некоторые предварительные замечания.

0.1. О балто-славянском праязыке. Существует довольно широко распространенное мнение, согласно которому балто-славянского праязыка не было. «Близость славян и балтов возникла в результате тесного и длительного соседства балтийских и славянских племен, которое, однако, не привело ни к созданию единой культуры, ни к формированию общего языка» (Бернштейн I, 60). Здесь же С. Б. Бернштейн вносит некоторые уточнения в свою позицию: «Некоторые современные ученые последовательно различают термины *Gemeinschaft* и *Verkehrsgemeinschaft*. Под термином *Verkehrsgemeinschaft* понимается языковая общность, которая устанавливается в результате длительного общения, тесных связей носителей языков. В нашем курсе речь будет идти именно о *Verkehrsgemeinschaft*, т. е. об общности балтийских и славянских языков, возникшей не в результате их общего происхождения от индоевропейского праязыка, а вследствие длительного контакта, наступившего гораздо позже индоевропейской эпохи и закончившегося задолго до нашей эры. Термин *Verkehrsgemeinschaft* мы переводим термином **с о о б щ н о с т ь**» (Бернштейн I, 31).

С. Б. Бернштейн отмечает, что «балтийские и славянские языки имеют много общего между собой»: «Характер этого сходства таков, что его нельзя объяснить только единством происхождения (балтийские и славянские языки принадлежат к семье индоевропейских языков). Вот почему и была создана теория балто-славянского праязыка, которая и в настоящее время имеет много авторитетных защитников» (Бернштейн I, 31). Таким образом в настоящее время существует две **р а б о ч и х** гипотезы: гипотеза балто-славянского праязыка и гипотеза балто-славянской общности. О том, что речь идет именно о **р а б о ч и х** гипотезах, свидетельствует все содержание § 8 его «Очерка сравнительной грамматики славянских языков». Основное

отличие гипотезы балто-славянской общности от гипотезы балто-славянского праязыка заключается, по-видимому, в том, что по первой предполагается, что после распада индоевропейского единства прошло довольно много времени, в ходе которого сформировались два различных языка: праславянский и прабалтийский, — между носителями которых отсутствовало взаимопонимание, и все языковые контакты между ними осуществлялись через зону двуязычия.

Иное предположение (сохранение непосредственного взаимопонимания между носителями праславянского и прабалтийского языков) приводит фактически к ликвидации различия между этими *р а б о ч и м и* гипотезами. Действительно, если между носителями двух языков сохраняется взаимопонимание, мы имеем дело не с разными языками, а с диалектами одного языка. При установлении постоянных контактов между ними начинаются процессы конвергенции, которые вовсе не обязательно приводят к полному тождеству этих диалектов. При определенной избыточности языковых систем разные диалекты одного языка могут сохранять значительные различия, не мешающие взаимопониманию. Если к подобной ситуации применять термин *с о о б щ н о с т ь*, то мы должны будем этим термином обозначить и восточнославянскую общность, западнославянскую и южнославянскую общности, а также и праславянский язык, а переходя к современности обозначить этим термином и то, что мы называем русским языком.

Если мы обратимся к балто-славянским отношениям и рассмотрим их с точки зрения результатов сравнительной акцентологии, то учитывая выше сказанное мы должны будем отказаться от термина *сообщность* и принять *р а б о ч у ю* гипотезу балто-славянского праязыка. Действительно, трудно предположить, что вся масса общих резерваций и общих инноваций могла возникнуть в двух контактирующих языках, между носителями которых отсутствовало взаимопонимание.

Трудно также согласиться с С. Б. Бернштейном, что контакт между балтийскими и славянскими диалектами наступил гораздо позже индоевропейской эпохи. Балтийские и славянские диалекты во время их контакта должны были сохранять различие между простыми звонкими смычными и звонкими придыхательными (о чем свидетельствует закон Винтера), различие между краткими и долгими дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями, которое было потеряно остальными индоевропейскими языками; они сохраняли так назы-

ваемые «беценбергеровские сочетания», непосредственные отражения которых мы находим в основном лишь в древнеиндийском и древнегреческом; они сохраняли, по-видимому, регистровые тоны, отразившиеся в морфонологических явлениях, которые я назвал акцентуационными валентностями и которые были утрачены остальными индоевропейскими языками. Соответственно, балтийские и славянские диалекты совместно увеличили количество долгих монофтонгов, долгих дифтонгов и долгих дифтонгических сочетаний, проведя удлинение слогов перед индоевропейскими смычными звонкими непридыхательными (закон Винтера); сохранив, по-видимому, первичное контурное правило, они создали тождественную систему акцентных парадигм с тождественной системой порождения акцентных типов производных; наблюдается целый ряд общих акцентологических процессов: 1. оттяжка конечного ударения на первично долгие монофтонги и дифтонги (закон Хирта — Иллич-Свитыча); 2. возникновение оппозиции «акут-циркумфлекс»; 3. метатония «акут → циркумфлекс перед доминантными суффиксами»; 4. закон Фортунова — де Соссюра.

С. Б. Бернштейн ссылается как на наиболее близкую к его концепции точку зрения Я. Эндзелина. Но в своих «Славяно-балтийских этюдах» Я. Эндзелин пишет: «Когда же при распадении общего праязыка арийцы отделились территориально от славян, последние, оставаясь ближайшими соседями балтийского племени, вступили с ним в эпоху совместной жизни, во время которой их языки были еще настолько близки друг другу, что славяне еще понимали балтийскую речь, и наоборот» (Endzelīns II, 346). То есть Я. Эндзелин не сомневается в том, что во время балто-славянской общности отношения между их языками были фактически отношениями между диалектами одного языка. Что касается приводимого С. Б. Бернштейном предложения Я. Эндзелина не пользоваться термином «славяно-балтийский праязык», «так как это выражение легко порождает мысль о полном единстве в лингвистическом отношении» (Endzelīns II, 347, Бернштейн I, 30), то следует заметить, что, ведь, и термин «язык» имеет тот же недостаток.

Балто-славянский праязык в той части его системы, которая восстанавливается сравнительно-исторической акцентологией, представляется системой крайне архаической и сравнительно недалеко отошедшей от праиндоевропейского состояния. Так как все остальные индоевропейские языки или потеряли, или коренным образом пере-

строили свои акцентные системы, единственные материалы, которые дают нам реальную возможность судить о просодической системе индоевропейского праязыка, это результаты балто-славянской сравнительно-исторической акцентологической реконструкции.

Те скудные данные, которые предоставляют нам древнеиндийский, древнегреческий и германские языки (своими рефлексами по закону Вернера) свидетельствуют лишь о том, что в их акцентных системах также отразились те явления, которые вскрываются в балто-славянском путем внутренней реконструкции и получили в моих работах название акцентуационных валентностей; второе, о чем свидетельствуют эти данные, это то, что контурное правило (правило постановки акцента) в индоевропейском, по-видимому, было то же, что восстанавливается для балто-славянского. Это контурное правило было утрачено в греческом (следы его действия сохранились в производных именах) и, по-видимому, значительно изменено и утрачено в древнеиндийском. Возможно, в некоторых языковых семьях прошли отдельные акцентологические процессы, характерные и для балто-славянского (закон Хирта в кельто-италийском; метатония в греческом и в древнеиндийском).

Примечание. Архаический характер балто-славянской акцентной системы вытекает из самой ее реконструкции, которая оказывается предельно просто организованной: описывается элементарным набором единиц и минимальным набором правил. В ней отсутствуют сколько-либо значительные противоречия, которые, как правило, характеризуют системы, подвергавшиеся многочисленным и разнонаправленным перестройкам. То, что эта система непосредственно отражает праиндоевропейскую просодическую систему, доказывают регулярные соответствия балто-славянских акцентовок производных имен акцентовкам производных имен древнеиндийского, греческого и прагерманского языков. Соответствие акцентных кривых балто-славянской подвижной акцентной парадигмы подвижному акцентному типу греко-арийских односложных атематических имен свидетельствует об индоевропейском характере контурного правила, которое создало этот тип. Этот вывод в определенной степени поддерживается бинарным разбиением акцентовок производных имен в древнеиндийском, греческом и прагерманском. Естественно, что колонная окситонеза двусложных и многосложных имен в древнеиндийском, греческом и, возможно, прагерманском — явление вторичное, возникшее в результате элементарных тонологических или акцентологических процес-

сов после падения первичного контурного правила. Как было показано¹, для возникновения балто-славянской подвижной акцентной парадигмы этих имен не требуется предположения о каких-то специальных процессах или аналогиях, для этого достаточно введения окончаний, характерных для подвижного акцентного типа греко-арийских односложных атематических имен и простая контракция с ними в тематических именах с сохранением присущих им акцентуационных валентностей.

0.2. Литовская акцентная система и ее синхронное описание.

I. Вводные замечания о литовском вокализме

Литовские гласные

Монофтонги

Долгие:		Краткие:	
<i>i</i> [˙]	<i>u</i> [˙]	<i>i</i>	<i>u</i>
<i>ɛ</i> [˙]	<i>o</i> [˙]	(<i>ɛ</i>)	(<i>ɔ</i>)
<i>e</i> [˙]		<i>e</i>	
<i>a</i> [˙]		<i>a</i>	

Гласные *ɛ* и *ɔ* — периферийные единицы, встречающиеся преимущественно в новых заимствованиях (интернационализмах) и изредка — в собственных именах. Приводится лишь одно литовское слово, имеющее в литературном языке краткий ударный *o* [ɔ]: *gògas* 'холка'. Из них (*ɛ*) характерно для произношения лишь некоторых носителей литературного языка; обычно же вместо [*ɛ*] произносят [*e*], ср. *mètras* = [*m'ètras*] | [*m'ètras*].

Количественные оппозиции

Минимальные пары

1. *i*[˙] ~ *i*: *dỹdis* 'величина' ~ *dìdis* 'велик(ий)', *klėtys* 'амбары' ~ *klėtis* 'амбар';

¹ См. Дыбо В. А. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 131—161.

2. *e* ~ *e*: *trėšti* 'удобрять' ~ *trėšti* 'гнить', *sėnė* 'старуха' (acc.) ~ *sėne* 'старуха' (voc.);
3. *ę* ~ *e*: *sėtu* 'он сеял бы' ~ *s[ė]tu* | *s[ę;]tu* 'Сетов';
4. *a* ~ *a*: *kąsti* 'кусать' ~ *kąsti* 'копать', *rąktu* 'ключей' ~ *rąktu* 'он ковырял бы', *šárka* 'сороку' (acc.) ~ *šárka* 'сорока' (nom.);
5. *u* ~ *u*: *skųsti* 'доносить' ~ *skųsti* 'брить', *tuĩgūs* 'базары' ~ *tuĩgus* 'базар';
6. *o* ~ *o*: *Jōnas* 'Йонас (имя)' ~ *j[ə]nas* 'ион'.

Автоматические количественные изменения гласных

Гласные *e*, *a* в литовском языке переходят в долгие (получают позиционную долготу в неконечных ударных слогах: *nešù* 'несу' ~ *nėša* 'несет', *vakarai* 'вечера́' ~ *vākaras* 'вечер' ~ *vakāris* 'западный ветер'. Имеются однако многочисленные исключения.

В неконечных слогах *è*, *à* сохраняются в следующих формах:

1. В формах компаратива: *gerėsnis*, f. *gerėsnė* 'лучше' — ср. ст. от *gėras* 'хороший'.
2. В формах gen. sg. личных и возвратного местоимений в притяжательном значении: *tāno* 'мой, моя, мое', *tavo* 'твой, твоя, твое', *savo* 'свой, своя, свое, свои'.
3. В nom. sg. m. членной формы прилагательных: *juodàs-is* 'этот черный, дьявол', *nelabàs-is* 'этот злой, недобрый; черт, дьявол, нечистый, бес'.
4. В формах глаголов с приставками *ap-*, *at-*, *pa-*, *pra-*, с частицами *be-* и *te-* и отрицанием *ne-*:
 - a) praes. 1.sg. *àpdedu* от *apdėti* 'обложить', *àtnešu* от *atnėsti* 'принести', *pàkišu* от *pakišti* 'подсунуть, подложить; подкинуть', *pràkuliu* от *prakulti* 'промолотить; пробить дыру; начать молотить';
 - b) praes. 3. *nebėkalba* от *kalbėti* 'говорить'; перм. 3. *tėneša* от *nėsti* 'нести';
 - c) praes. 3. *nėtelpa* от *tĩpti* 'помещаться, вмещаться, уместиться, входить';
 - d) part. praes. act. nom. sg. m. *pakeliąs* : f. *pakelianti* от *pakėlti* 'поднять, повесить; разбудить, поднять (с постели)';
 - e) part. praes. pass. nom. sg. m. *pàtikimas* 'надежный; достоверный, заслуживающий доверия; правдоподобный' : f. *patikimà* от *pasitikėti* 'положиться (на кого-что), довериться, оказать доверие (кому-чему)';

f) part. praet. pass. nom. sg. m. *àtnēštas* : f. *atnēštà* от *atnēšti* 'принести'.

Примечание. В отличие от глагольных сложений с приставками имен-ные сложения регулярно удлинняют гласные *a* и *e* в приставках *ap-*, *at-*, *pa-*, *pra-* и в отрицании *ne-*: *àtpildas* 'отплата; возмездие', *pāsaka* 'сказка, басня', *prākaitas* 'пот'; *nērīmas* 'тревога, беспокойство'.

5. В инфинитивах и в формах, образованных от инфинитивной основы:

a) inf. *kàsti* 'копать, рыть', *nēšti* 'нести';

b) sup. *kàstu*, *nēštu*;

c) fut. 1.sg. *kàsiu*, *nėšiu*;

d) cond. 1.sg. *kàsčiau*, *nėščiau*;

e) praet. frequ. 1. sg. *kàsdavau*, *nėšdavau*;

f) imper. 2.sg. *kàsk*, *nėšk*;

g) part. contemp. nom. sg. m. *kàsdamas*, *nėšdamas*;

h) part. necess. nom. sg. m. *ràstinas* от *ràsti* 'найти, изыскать; обрести; обнаружить', *mėstinas* от *mėsti* 'бросать, метать, кидать, швырять; оставлять';

6. В глаголах на *-dinti*: *plākdinti* 'велеть высечь, выпороть' от *plākti* 'драть; колотить; стегать, пороть, сечь (розгами, кнутом); бичевать'; *dėgdinti* 'жечь, выжигать, обжигать (поручая это другим, выполняя при помощи других)', 'kazać palić, zapalić' от *dėgti* 'гореть; зажигать; обжигать, выжигать'.

Примечание. Произносят также и *plākdinti*, *dėgdinti* и т. д.

7. В других производных глаголах: *bàdikuoti* 'слегка тыкать, показывать', 'strąsac (jabłka)'.

8. В акцентованных на корне формах глаголов на *-sėti* и *-telėti*, а также в соответствующих междометиях: *blaksėti* 'полюхаться (о пламени)', 'robłyskiwać' : 3.praes. *bląksi*, *bląkteletė* 'мигать (о свете); уменьшаться (о холоде)'; *bląkt!* 'błysk!'; *žągsėti* 'икать' : 3.praes. *žągsi*, *žągtelė* 'икать'; *čėpsėti* 'чавкать, чмокать, причмокивать' : *čėpsi*, *čėpt!* 'смok!'; *trėpsėti* 'топать; постукивать ногами; потопывать': *trėpsi*, *trėptelė* 'топать, притопывать'; *trėpt!* 'tup!'.

Дифтонгические сочетания и дифтонги

Кроме монофтонгов, в литовском языке имеются дифтонгические сочетания и дифтонги, выполняющие в структуре слога такую же

роль, как и долгие гласные, — создающие базу для оппозиции слоговых интонаций.

К дифтонгическим сочетаниям относятся тавтосиллабические группы типа *гласный + [l, m, n, r]*.

$$\left. \begin{array}{l} [i] + \\ [e] + \\ [\acute{e}] + \end{array} \right\} [l, m, n, r] \qquad \left. \begin{array}{l} [u] + \\ [\text{ɔ}] + \\ [a] + \end{array} \right\} [l, m, n, r]$$

Например: *kilpa* 'петля', *pirmas* 'первый', *pémpė* 'чибис', *bùlvės* 'картофель', *tuĩtas* 'богатство', *tòrtas* 'торт', *baĩnas* 'седло', *lángas* 'окно', *vaĩdas* 'имя', *studeĩtas* 'студент'.

Дифтонги («чистые» или вокалические дифтонги) литовского языка предлагается (см. Грамм., с. 20) разделить на две группы: а) сложные дифтонги, к которым относятся [*ai, au, ei, (eu), (ɔi), ui, (ɔu)*], например: *laĩkas* 'время', *laũkas* 'поле', *pláuikas* 'волос', *vėidas* 'лицо', *neutralūs* 'нейтральный', *boikòtas* 'бойкот', *smuĩkas* 'скрипка', *klòunas* 'клоун'; б) слитные (скользящие) дифтонги или полифтонги [*ie, uo*] (точнее, по-видимому, [*iæ, ua*]), например: *dienà* 'день', *vienas* 'один', *júodas* 'черный', *ruðšti* 'готовить'.

В отличие от сложных дифтонгов и дифтонгических сочетаний, слитные дифтонги (полифтонги) [*ie, uo*] в Грамм. трактуются как реализация однофонемных единиц.

II. Современная литовская литературная акцентуация

Слоговые интонации

Долгие ударные слоги образуют дополнительное просодическое противопоставление по слоговым интонациям, или по слоговым акцентам:

šáuk 'стреляй' ~ *šai̯k* 'кричи'
gĩnti 'защищать' ~ *giĩnti* 'гнать'
klóste 'он устидал' ~ *klòste* 'складка'
týrė 'он исследовал' ~ *týrė* 'каша'
rúgti = *rú[k]ti* 'киснуть' ~ *rũkti* 'дымить'

«О том, что акут и циркумфлекс представляют собой самостоятельные просодемы, а не дифференциальные признаки гласных, свидетельствует тот факт, что они противопоставляются не только на слогах, образуемых долгими гласными, но и на слогах, центр которых представлен бифонемными дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями, т. е. сочетаниями типа VR (ср.: *šáuk* : *šáũk*, *gĩnti* : *gĩnti*). Таким образом, интонации, несомненно, характеризуют и различают единицы более крупные, чем отдельная гласная фонема» (Грамм., с. 46).

Акцентуация

Основные принципы литовской акцентуации показываются в Грамм. на материале склонения двусложных имен существительных (т. е. существительных, основа которых состоит из одного слога).

Вводится понятие «относительной акцентологической ценности» (= понятию «акцентуационная валентность»).

По относительной акцентологической ценности все односложные основы делятся на два класса:

1) сильные основы (O), получающие ударение в сочетании с любой флексией (= доминантные);

2) слабые основы (o), получающие ударение только в сочетании со слабой флексией (= рецессивные).

Внутри каждого класса противопоставляются долгие акутовые основы: Ó и ó, — и неакутовые основы — краткие или долгие циркумфлексовые: Õ и õ.

Ценность основ определяется («принято определять») по ударению дательного и/или родительного падежей множественного числа: в этих формах сильные основы всегда являются ударными, а слабые — безударными.

Сильные основы (O)

piev-oms 'лугам', *piev-ų* 'лугов' (1 а. п.)

viēt-oms 'местам', *viēt-ų* 'мест' (2 а. п.)

Слабые основы (o)

skiedr-óms 'щепкам', *skiedr-ų* 'щепок' (3 а. п.)

dien-óms 'дням', *dien-ų* 'дней' (4 а. п.)

Интонация долгой основы обычно определяется по винительному падежу единственного числа или по любой иной форме, имеющей неконечное ударение: *piev-q* (Ó), *viēt-q* (Ō), *skiedr-q* (ó), *diēn-q* (ō).

Флексии распределяются по тем же двум классам, что и основы:

1) сильные флексии (Ф), получающие ударение в сочетании со слабой основой, но остающиеся безударными в сочетании с сильной основой (= доминантные);

2) слабые флексии (ф) — безударные вне зависимости от акцентологической ценности основы (= рецессивные).

Как в первом, так и во втором классе выделяются особые аттрактивные флексии (Ф', ф'), отличающиеся способностью перетягивать на себя ударение с предыдущего неаккутового слога по синхроническому закону Фортунатова — де Соссюра (иначе — правилу предпоследнего слога). [Здесь вводится понятие синхронического закона Фортунатова — де Соссюра, которое явно не тождественно закону, который предложил сам де Соссюр.] В сочетании с акутовыми основами аттрактивные флексии ведут себя так же, как и простые флексии соответствующей акцентологической ценности.

Краткие аттрактивные флексии в большинстве случаев имеют долгие акутовые алломорфы перед энклитическими аффиксами. Это явление, как мы увидим в дальнейшем, — результат действия закона Лескина (сокращение конечных акутовых долгот).

Если флексия не является аттрактивной, место ударения двусложных словоформ определяется следующими правилами:

а) ударение падает на любую сильную основу;

б) ударение падает на сильную флексию, следующую за слабой основой;

в) ударение падает на слабую основу, стоящую перед слабой флексией.

Аттрактивные флексии в сочетании с акутовыми основами получают ударение по общим правилам.

Аттрактивные флексии, следующие за неаккутовыми (краткими или долгими циркумфлексовыми) основами, всегда получают ударение (закон Фортунатова — де Соссюра).

Эти закономерности можно рассмотреть на примере акцентных парадигм склонения *ā*-основ. В данном случае мы предпочитаем однако использовать уже принятый в славянской акцентологии способ маркировки сильных (доминантных) и слабых (рецессивных) морфем.

\bar{a} -ОСНОВЫ

А. п.	1	2	3	4
			Sg	
Nom.	<i>várna</i>	<i>rañkà</i>	<i>gálvà</i>	<i>meṛgà</i>
Gen.	<i>várnos</i>	<i>rañkos</i>	<i>gálvōs</i>	<i>meṛgōs</i>
Dat.	<i>várnai</i>	<i>rañkai</i>	<i>gálvai</i>	<i>meṛgai</i>
Acc.	<i>várna</i>	<i>rañka</i>	<i>gálva</i>	<i>meṛga</i>
Instr.	<i>várna</i>	<i>rañkà</i>	<i>gálva</i>	<i>meṛgà</i>
Loc.	<i>várnoje</i>	<i>rañkoje</i>	<i>gálvoje</i>	<i>meṛgoje</i>
Voc.	<i>várna</i>	<i>rañka</i>	<i>gálva</i>	<i>meṛga</i>
			Pl	
Nom.	<i>várnos</i>	<i>rañkos</i>	<i>gálvos</i>	<i>meṛgos</i>
Gen.	<i>várnu</i>	<i>rañku</i>	<i>gálvū</i>	<i>meṛgū</i>
Dat.	<i>várnoms</i>	<i>rañkoms</i>	<i>gálvóms</i>	<i>meṛgóm̃s</i>
Acc.	<i>várnas</i>	<i>rañkàs</i>	<i>gálvas</i>	<i>meṛgàs</i>
Instr.	<i>várnomiš</i>	<i>rañkomiš</i>	<i>gálvomiš</i>	<i>meṛgomiš</i>
Loc.	<i>várnose</i>	<i>rañkose</i>	<i>gálvose</i>	<i>meṛgose</i>

К 1-й акцентной парадигме относятся двусложные существительные с сильной (доминантной) акутовой основой;

ко 2-й а. п. — существительные с сильной (доминантной) неакутовой основой;

к 3-й а. п. — существительные со слабой (рецессивной) акутовой основой;

к 4-й а. п. — существительные со слабой (рецессивной) неакутовой основой.

Аналогично могут быть рассмотрены и другие типы основ.

ā-ОСНОВЫ

A. п.	1	2	3	4
			Sg	
Nom.	<i>výras</i>	<i>piřštas</i>	<i>lángas</i>	<i>mīškas</i>
Gen.	<i>výro</i>	<i>piřšto</i>	<i>lángo</i>	<i>mīško</i>
Dat.	<i>výrui</i>	<i>piřštui</i>	<i>lángui</i>	<i>mīškui</i>
Acc.	<i>výra</i>	<i>piřšta</i>	<i>lánga</i>	<i>mīška</i>
Instr.	<i>výru</i>	<i>piřštù</i>	<i>lángu</i>	<i>mīškù</i>
Loc.	<i>výre</i>	<i>piřštè</i>	<i>langè</i>	<i>mīškè</i>
Voc.	<i>výre</i>	<i>piřšte</i>	<i>lángè</i>	<i>mīške</i>
			Pl	
Nom.	<i>výrai</i>	<i>piřštai</i>	<i>lángai</i>	<i>mīškai</i>
Gen.	<i>výru</i>	<i>piřštu</i>	<i>lángū</i>	<i>mīškū</i>
Dat.	<i>výrams</i>	<i>piřštams</i>	<i>lángams</i>	<i>mīškams</i>
Acc.	<i>výrus</i>	<i>piřštùs</i>	<i>lángus</i>	<i>mīškùs</i>
Instr.	<i>výrais</i>	<i>piřštaiš</i>	<i>lángaiš</i>	<i>mīškaiš</i>
Loc.	<i>výruosè</i>	<i>piřštuosè</i>	<i>languosè</i>	<i>mīškuosè</i>

Акцентовка производных имен

Большинство именных суффиксов можно разделить на два типа: 1) усиливающие суффиксы (C), переводящие слабые основы в ранг сильных; 2) ослабляющие суффиксы (ċ), переводящие сильные основы в ранг слабых.

Среди усиливающих суффиксов выделяются:

а) сильные суффиксы, всегда перетягивающие ударение на себя:

-ienè: *úoga* (1) 'ягода' ~ *uogiēnè* (2) 'варенье';

-elis: *vaikas* (4) 'ребенок' ~ *vaikēlis* (2) 'ребеночек';

б) слабые суффиксы, перед которыми ударение получает или сохраняет производящая основа:

-iškas: *výras* (1) 'мужчина' ~ *výriškas* (1) 'мужской';

vaikas (4) 'ребенок' ~ *vaikiškas* (1) 'детский';

в) нейтральные суффиксы, которые перетягивают на себя ударение со слабых производящих основ, но оставляют его на сильных основах:

- inis: *šakà*, -*ōs* (4) 'ветвь; отрасль' ~ *šakìnīs* (2) 'отраслевой';
galvà, -*ōs* (3) 'голова' ~ *galvìnīs* (2) 'головной';
úoga (1) 'ягода' ~ *úoginīs* (1) 'ягодный';
druskà, -*os* (2) ~ *drùskinīs* (1) 'солевой';
- ininkas: *skolà*, -*ōs* (4) 'долг' ~ *skolinīnkas* (2) 'должник';
dàrbas (3) 'работа' ~ *darbinīnkas* (2) 'рабочий';
mókslas (1) 'наука' ~ *mókslininkas* (1) 'ученый';
kopà, -*os* (2) 'дюна' ~ *kōpininkas* (1) 'житель дюн'².

Примечание. Уже рассмотрение этой синхронной системы выбора акцентных типов в литовском обнаруживает систему очень близкую к праславянской. Так называемые нейтральные суффиксы — это доминантные суффиксы, соответствующие славянским суффиксам I класса (см. Дыбо 2000, 98—150); ослабляющие суффиксы — это рецессивные суффиксы с генерализацией подвижного акцентного типа на весь словообразовательный тип; усиливающие слабые суффиксы — это рецессивные суффиксы с генерализацией неподвижного акцентного типа на весь словообразовательный тип; усиливающие сильные суффиксы — это доминантные суффиксы с генерализацией акцентного типа с насуффиксальным ударением на весь словообразовательный тип. Такое рассмотрение синхронной системы выбора акцентных типов производных в литовском языке подтверждается литовской исторической акцентологией. Весь процесс генерализации акцентных типов в той области литовского словообразования, которую характеризует современный категориальный акцент, происходит довольно поздно, и первые акцентуированные памятники литовского языка (Катехизис Даукши, Постила Даукши, Катехизис 1605 г.) застают его лишь в начале, да и литовские диалекты в значительной степени сохраняют следы первичного состояния³. Поэтому уже первые исследования Я. Эндзелина, К. Бути и Пр. Скарджюса смогли восстановить в основных чертах первичную систему и, по-видимому, лишь догмы индоевропейской сравнительной акцентологии с ее презумпцией сугубой древности и даже индоевропейской «первичности» древнеиндийского акцентуационного состояния помешали им сделать кардинальные выводы.

² Житель Куршской косы.

³ К сожалению, литовские диалекты с этой стороны описаны крайне слабо. Попытка фундаментального описания одного из достаточно интересных диалектов, предпринятая Я. Отрембским, так и осталась незавершенной.

1. Балтийская сравнительно-историческая и литовская историческая акцентологии.

1.1. Индоевропейская компаративистика и литовская просодическая система.

Литовский язык вступил в область индоевропейской акцентологической компаративистики раньше, чем возникла балтийская сравнительно-историческая акцентология.

В 1878 г. Ф. Ф. Fortunatov обнаружил связь литовских интонаций в дифтонгических сочетаниях *ir, il : iĩ, iĩ* с определенными различиями в древнеиндийском, греческом и латинском⁴.

Второе направление исследований, потребовавшее включения литовского материала в индоевропейское акцентологическое сравнение, было положено работой А. Leskien, доказавшей факт сокращения акутированных конечных долгот в литовском⁵, и естественно последовавшим за ней открытием А. Bezzenbergerом связи литовских и греческих интонаций конца слова⁶.

В 1889 г. на заседании Парижского лингвистического общества 8 июня Ф. де Соссюр в своем докладе объяснил установленные Ф. Ф. Fortunatovым соответствия на основе созданной им теории индоевропейского корня и построил общую теорию порождения литовских слоговых интонаций. В 1894 г. он опубликовал свой доклад, добавив к нему лишь раздел о первичных кратких гласных⁷. Еще до этой публикации вышла небольшая статья А. Bezzenbergerа, где был установлен еще один источник литовской акутовой интонации, не отмеченный в работе Ф. Ф. Fortunatovа («двусложные корни» типа СеСә)⁸; но и этот источник объяснялся теорией Ф. де Соссюра. В своей статье 1894 года Ф. де Соссюр уже упоминает закон, названный позднее его именем, но подробное изложение его и полную аргумента-

⁴ Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. // AslPh. Bd. IV. 1880.

⁵ A. Leskien. Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen. // AslPh. Bd. V. 1881.

⁶ A. Bezzenberger. Grammatiche Bemerkungen. // BB. VII. 1883.

⁷ F. de Saussure. À propos de l'accentuation lituanienne. // «Mémoires de la Société de linguistique». VIII. 1894. P. 425—446; перепечатано в «Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure». Genève, 1921; русский перевод «К вопросу о литовской акцентуации (интонации и ударение в собственном смысле слова)» // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 598—619.

⁸ A. Bezzenberger. Zum baltischen Vocalismus. // BB. XVII. 1891.

цию дает в статье 1896 г. «Литовская акцентуация»⁹. В этой же статье Ф. де Соссюр дает подробный морфонологический анализ литовской акцентной системы и таким образом, посредством внутренней реконструкции, приступает к построению литовской исторической и балтийской сравнительно-исторической акцентологии.

Фактически трудно найти проблему литовской исторической и балтийской сравнительно-исторической акцентологии, которая не была бы затронута или намечена в этой статье: доказав закон передвижения ударения с краткостного и циркумфлектированного слога на акутированный слог, Ф. де Соссюр установил наличие в пралитовском двух акцентных типов имени — подвижного и неподвижного (баритонного), выдвинув тем самым проблему отношения этих акцентных типов к двум «индоевропейским» (греко-арийским) акцентным типам имени: окситонному и баритонному; обнаружив фактическое тождество акцентной кривой литовского подвижного акцентного типа акцентной кривой греко-арийских корневых атематических имен, Ф. де Соссюр поставил проблему отношения литовской подвижности и греко-арийской окситонезы; установив связь переноса ударения на приставки и отрицание в презенсе с подвижностью ударения в соответствующих презентных причастиях, он открыл два акцентных типа глагольных основ (естественно, возникла проблема объема и границ этой дихотомии и отношения ее к соответствующей дихотомии в имени); изучая объем корпуса позиций действия закона де Соссюра, он должен был отделить подвижность акцента, вызванную действием этого закона, от подвижности, связанной с закономерностью выбора акцентных типов производных (он называет последнюю подвижность «грамматической»), и тем самым поставил проблему выбора акцентных типов производных.

Более того, Ф. де Соссюр установил три типа суффиксов: 1. суффиксы, которые «обладают собственным ударением и безразличны к производящему слову» (т. е. суффиксы, связанные с категориальным принципом организации акцента); 2. суффиксы, которые «требуют, чтобы производное слово имело тот же тип наосновного ударения, что и производящее» (как было отмечено выше, в эту группу входят первично рецессивные суффиксы); 3. суффиксы, производные слова с

⁹ *F. de Saussure. Accentuation lituanienne. // IF. VI. Anzeiger, Strassburg, 1896. S. 157—166; перепечатано в «Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure», Genève, 1921; русский перевод в книге Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 620—632.*

которыми «получают ударение либо на суффиксе, либо на производящей основе, в зависимости от того, какова парадигма производящего слова — подвижная или неподвижная» (т. е., по современной терминологии, доминантные суффиксы); наконец, завершая рассмотрение суффиксов, Ф. де Соссюр дает знаменательную сноску: «Первая категория суффиксов не имеет аналогии в окончаниях, вторая аналогична окончаниям в типах Z и $Z\alpha$, третья — окончаниям в типах Ω и $\Omega\alpha$ ». Окончания в типах Z и $Z\alpha$ — это рецессивные окончания, окончания в типах Ω и $\Omega\alpha$ — это доминантные окончания; таким образом Ф. де Соссюр, установив единые морфонологические статусы для двух типов морфем, вплотную подходит к современному морфонологическому рассмотрению литовской акцентной системы¹⁰.

Надо отметить также, что в этой статье Ф. де Соссюр подошел к литовско-латышскому сравнению, угадав связь латышских интонаций с литовскими акцентными типами¹¹. Но последовательного балтийского сравнения проведено не было, так же как не был проведен и исторический анализ литовской акцентной системы хотя бы при помощи привлечения диалектного материала, все ограничилось внутренней реконструкцией на достаточно прозрачном материале стандартного литовского языка.

1.2. Начало балтийской сравнительно-исторической акцентологии следует связывать с работой Я. Эндзелина «Über den lettischen Silbenaccent» (1899 г.)¹². В ней на обширном материале было показано, что литовской подвижной парадигме имени в словах с акцентированным корнем соответствует прерывистая слоговая интонация в латышских диалектах с системой трех интонаций, в то время как литовским словам неподвижной баритонированной парадигмы с

¹⁰ Для перехода к такому рассмотрению необходимо было лишь принять, что суффиксы второй категории и окончания в типах Z и $Z\alpha$ аналогичны основам (корням) подвижной акцентной парадигмы (к такому выводу Соссюра буквально принуждало еще одно специально отмеченное им наблюдение: «только слово с наосновным ударением на первом слоге может иметь подвижную парадигму»), а суффиксы третьей категории и окончания в типах Ω и $\Omega\alpha$ аналогичны основам (корням) неподвижной акцентной парадигмы.

¹¹ Ф. де Соссюр не имел материала латышских диалектов с системой трех интонаций и, по-видимому, не знал о существовании таких диалектов.

¹² См. «Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen». Bd. 25, Göttingen, 1899. S. 259—274; перепечатана в кн. *J. Endzelīns. Darbu izlase*. I. Rīgā, 1971. 117—132.

товским словам неподвижной баритонированной парадигмы с акутированным корнем соответствуют в этих латышских диалектах слова с плавной интонацией. Это положение может быть проиллюстрировано следующими сближениями:

1. лит. *dárbas* (3) 'работа, труд' : лтш. *dařbs*; 2. лит. *kálnas* (3) 'гора' : лтш. *kaľns*; 3. лит. *kótas* (3) 'рукоятка, черенок' : лтш. *káts*; 4. лит. *lángas* (3) 'окно' : лтш. *luògs*; 5. лит. *óras* (3) 'воздух; погода' : лтш. *árs*; 6. лит. *galvà* (3) 'голова' : лтш. *gaľva*; 7. лит. *naudà* (3) 'польза, выгода' : лтш. *naũda*; 8. лит. *pèdà* (3) 'ступня, стопа; след' : лтш. *pèda*; 9. лит. *skiedrà* (3) 'щепка' : лтш. *skièdra* и др.; в то время как: 1. лит. *dũmai* (1) 'дым' : лтш. *dũmi*; 2. лит. *krũmas* (1) 'куст' : лтш. *krũms*; 3. лит. *pienas* (1) 'молоко' : лтш. *piẽns*; 4. лит. *šũdas* (1) 'кал, помет, навоз' : лтш. *sũds*; 5. лит. *káulas* (1) 'кость' : лтш. *kaũls*; 6. лит. *miltai* (1) 'мука' : лтш. *miľti*; 7. лит. *tiltas* (1) 'мост' : лтш. *tiľts*; 8. лит. *bóba* (1) 'баба' : лтш. *bāba*; 9. лит. *dũona* (1) 'хлеб' : лтш. *duõna*; 10. лит. *kilpa* (1) 'петля' : лтш. *ciľpa*; 11. лит. *glinda* (1) 'гнида' : лтш. *gnĩda*; 12. лит. *kója* (1) 'нога' : лтш. *kāja* и др.

Ряд фактов, по-видимому, противоречил сближению Я. Эндзелена: двум латышским интонациям в прилагательных с первично акутированным корнем соответствовала единая подвижная акцентная парадигма в литовском языке:

1. лтш. *jaũns* 'молодой, юный' : лит. *jaunas* (3) 'молодой, юный';
 2. лтш. *plāns* 'тонкий' : лит. *plonas* (3) 'тонкий; жидкий';
 3. лтш. *siksts* 'жесткий; скупой' : лит. диал. *šykštas* (3) 'скупой; твердый';
 4. лтш. *dzīvs* 'живой' : лит. *gyvas* (3) 'живой';
 5. лтш. *šķīsts* 'жидкий; чистый, непорочный' : лит. *skýstas* (3) 'жидкий; редкий' и др.;

но

1. лтш. *bal̃ts* 'белый' : лит. *báltas* (3) 'белый';
 2. лтш. *caũrs* 'дырявый' : лит. *kiáuras* (3) 'дырявый; сквозной';
 3. лтш. *sũrs* 'горький' : лит. диал. *sũras* (3) 'соленый';
 4. лтш. *ĩľgs* 'долгий' : лит. *ĩľgas* (3) 'длинный; долгий';
 5. лтш. *piľns* 'полный' : лит. *piľnas* (3) 'полный' и др.

Аналогично двум латышским интонациям в глаголах с первоначально акутированным корнем соответствовала единая акцентная парадигма спрягаемых форм глагола в литовском языке:

Глаголы с прерывистой интонацией в латышском

1. лтш. *bēgt* 'бежать', praes. sg.1. *bēgu* : лит. *bēgti* 'бежать', praes. sg.1. *bēgu*;
2. лтш. *aûgt* 'расти', praes. sg.1. *aûgu* : лит. *augti* 'расти', praes. sg.1. *augu*;
3. лтш. *aûst* 'ткать', praes. sg.1. *aûžu* : лит. *ásti* 'ткать', praes. sg.1. *áudžu*;
4. лтш. *glâbt* 'спасать', praes. sg.1. *glâbju* : лит. *glóbt* 'окутывать, закутывать', praes. sg.1. *glóbiu*;
5. лтш. *graûzt* 'грызть, глотать', praes. sg.1. *graûžu* : лит. *gráužti* 'грызть, глотать', praes. sg.1. *gráužu*;
6. лтш. *uôst* 'нюхать, обонять', praes. sg.1. *uôžu* : лит. *úosti* 'нюхать, обонять, чують', praes. sg.1. *úodžu*;
7. лтш. *dîgt* 'прорастать, пускать ростки', praes. sg.1. *dîgstu* : лит. *dýgti* 'произрастать, прорастать, всходить', praes. sg.1. *dýgstu*;
8. лтш. *lûzt* 'ломаться', praes. sg.1. *lûstu* : лит. *lûžti* 'ломаться', praes. sg.1. *lûžtu*;
9. лтш. *viîft* 'кипеть, вариться', praes. sg.1. *veřdu* : лит. *virti* 'кипеть, вариться', praes. sg.1. *verdu* и др.
10. лтш. *jât* 'ехать верхом', praes. sg.1. *jâju* : лит. *jóti* 'ехать верхом', praes. sg.1. *jóju*;
11. лтш. *klât* 'покрывать; стлать', praes. sg.1. *klâju* : лит. *klóti* 'стелить; накрывать, покрывать', praes. sg.1. *klóju*;
12. лтш. *stâtiês* 'становиться', praes. sg.1. *stâjus* : лит. *stóti* 'стать, становиться; вставать', praes. sg.1. *stóju*;
13. лтш. *blaût* 'кричать, орать', praes. sg.1. *blaûju* или *blaûnu* : лит. *bliáuti* 'блеять', praes. sg.1. *bliáunu*;
14. лтш. *raût* 'рвать, вырывать', praes. sg.1. *raûju* или диал. *raûnu* : лит. *ráuti* 'рвать, вырывать', praes. sg.1. *ráunu*;
15. лтш. *žaiût* 'развешивать (для просушки)', praes. sg.1. *žaiuju* или *žaiunu* : лит. *džiáuti* 'вешать (для просушки)', praes. sg.1. *džiáunu*;
16. лтш. *žût* 'сохнуть', praes. sg.1. *žûstu* : лит. *džiúti* 'сохнуть, высыхать; увядать; чахнуть, хиреть', praes. sg.1. *džiústu*.

Глаголы с плавной интонацией в латышском

1. лтш. *nâkt* 'идти, приходиться', praes. sg.1. *nâku* : лит. *nókti* 'созревать, зреть', praes. sg.1. *nókstu*;

2. лтш. *drāzt* 'строгать; очинивать', praes.sg.1. *drāžu* : лит. *dróžti* 'строгать, вырезать', praes. sg.1. *dróžiu*;
3. лтш. *snaišt* 'дремать', praes. sg.1. *snaižu* : лит. *snáusti* 'дремать', praes. sg.1. *snáudžiu*;
4. лтш. *trūkt* 'не хватать, недоставать; отсутствовать', praes. sg.1. *trūkstu* : лит. *trúkti* 'недоставать, не хватать; лопнуть, порваться', praes. sg.1. *trúkstu*;
5. лтш. *vīst* 'вянуть, увядать', praes. sg.1. *vīstu* : лит. *výsti* 'вянуть, увядать', praes. sg.1. *výstu* и др.
6. лтш. *sēt* 'сеять', praes. sg.1. *sēju* : лит. *sėti* 'сеять', praes. sg.1. *sėju*;
7. лтш. *spēt* 'мочь, быть в состоянии, быть в силах', praes. sg.1. *spēju* : лит. *spėti* 'успевать', praes. sg.1. *spėju*;
8. лтш. *ļaiīt* 'позволять, разрешать, давать (возможность что-л. сделать)', praes. sg.1. *ļaiīju* или *ļaiīnu* : лит. *liáutis* 'переставать; прекращать', praes. sg.1. *liáunusi*;
9. лтш. *kraīīt* 'грузить, нагружать', praes. sg.1. *kraīīju* или *kraīīnu* : лит. *kráuti* 'складывать; сваливать; грузить', praes. sg.1. *kráunni*;
10. лтш. *plāiīt* 'косить; жать (хлеб)', praes. sg.1. *plāiīju* или *plāiīnu* : лит. *prjáuti* 'пилить; жать; косить', praes. sg.1. *prjáunni*;
11. лтш. *spļaiīt* 'плевать', praes. sg.1. *spļaiīju* : лит. *spjáuti* 'плевать', praes. sg.1. *spjáunni*;
12. лтш. *šaiīt* 'стрелять; ставить (хлебы в печь)', praes. sg.1. *šaiīju* или *šaiīnu* : лит. *šáuti* 'стрелять, бить; сажать, ставить', praes. sg.1. *šáunni*.

Кроме этих крупных и довольно жестких группировок имелись и более мелкие группы, где можно было предполагать позднюю метатонию или смену в литовском акцентной парадигмы. Уже в этой работе, ссылаясь на различия в акцентовке литовских действительных причастий настоящего времени: *augāšs*, но *trúkstāšs*, — и, соответственно, на работу Ф. де Соссюра, Я. Эндзелин совершенно правильно отметил, что прерывистая интонация соответствующих глаголов в латышском языке, по-видимому, свидетельствует о существовании у них в прошлом акцентной парадигмы с подвижным ударением. Различие же интонаций в латышских прилагательных Эндзелин считал продуктом противоположного действия аналогии. Но как показали дальнейшие исследования, в том числе и его собственные, и в этой категории нужно считаться с существованием в прошлом двух акцентных парадигм в основах с акутированным корнем.

В последующих трудах Я. Эндзелин продолжал разработку своей теории происхождения латышских интонаций. Разработка касалась как объяснения ряда частных случаев¹³, так и дальнейшего исследования вопроса о существовании в прошлом в литовском языке противопоставления двух акцентных парадигм в тех категориях, в которых оно сейчас потеряно. Естественно, что для изучения этой проблемы необходимо было обратиться к ранним акцентуированным литовским текстам и к материалам литовских диалектов, т. е. начать построение литовской исторической акцентологии.

1.3. Начало литовской исторической акцентологии. Начало такого рода исследований следует, по-видимому, связывать с работой Я. Эндзелина «Zum litauischen Akzent Daukšas»¹⁴. В этой небольшой статье Я. Эндзелин затронул фактически все основные проблемы литовской исторической акцентологии, которые были выдвинуты его работой по латышским интонациям. Он показал, что в текстах Н. Даукши прилагательные еще сохраняли все четыре акцентные парадигмы имени. Продолжая наблюдения Ф. де Соссюра над системой выбора акцентных типов производных, Я. Эндзелин установил, что в древнелитовском языке в текстах Н. Даукши к категории «нейтральных» суффиксов относился суффикс *-imas*, перешедший в разряд усиливающих сильных суффиксов в современном литовском языке. В этой же статье Я. Эндзелин показал, что в древнелитовском языке в текстах Н. Даукши наблюдаются реликты противопоставления двух акцентных парадигм глагола в формах сослагательного наклонения. Окситонезу этой категории в восточно-аукштайтских диалектах и баритонезу в литературном литовском языке и в западно-аукштайтских диалектах он объяснял противоположными процессами генерализации акцентных типов. Здесь же он обратил внимание на восточно-аукштайтские формы претеритов от возвратных глаголов типа: *stojōs, sēdōs, radōs* и под. (у Даукши: *ketēs, likōs, sedōs, tikōs* и др.). Эти явления Я. Эндзелин рассматривал как реликт окситонированной акцентной

¹³ См. Я. Эндзелин. Заметки к латышской акцентовке. // ИОРЯС. Т. VI. Кн. 4. СПб., 1901. С. 140—149; перепечатана в кн. *J. Endzelīns. Darbu izlase. I. Rīgā, 1971.* 196—203; *J. Endzelin. Weiteres zu den baltischen Intonationen.* // IF. Bd. 33. Strassburg, 1913—1914. S. 104—118; перепечатана в кн. *J. Endzelīns. Darbu izlase. II. Rīgā, 1974.* 513—527.

¹⁴ См. KZ. Bd. 44. 1911. S. 49—57, входит как 3. раздел в серию *Baltica*; перепечатана в кн. *J. Endzelīns. Darbu izlase. II. Rīgā, 1974.* 381—389.

парадигмы глагола, распространившийся по аналогии и на глаголы старой баритонированной парадигмы.

Примечание. Как, по-видимому, показывают наблюдения Хр. Станга над акцентной системой диалекта Zietela¹⁵, еще до относительно недавнего времени существовали отдельные восточно-литовские диалекты с довольно устойчивым разделением акцентных типов возвратных глаголов, которое у глаголов с акугированным корнем хорошо соответствовало латышским интонациям. Второе о чем свидетельствуют записи Хр. Станга, это то, что передвижение акцента в формах возвратных глаголов на конец слова (первично, по-видимому, на энклитику), видимо, не ограничивалось категорией претерита.

В дальнейшем Я. Эндзелин продолжил изучение акцентуационной дихотомии древнелитовского глагола и ее отражения в отглагольном словообразовании. В заметке «Zur Betonung der litauischen Verbalsubstantiva auf *-imas*»¹⁶ он проследил отражение двух акцентных парадигм глагола в отглагольных именах на *-imas*. В этой работе он не привлекал материалы древнелитовских текстов, а ограничился словарями Куршата и Юшкевича. Однако уже по этим материалам релевантно отражалась принадлежность суффикса *-imas* к категории «нейтральных» (следовательно, доминантных) суффиксов. В дальнейшем Я. Эндзелин вернулся к проблеме двух первичных акцентных парадигм литовского глагола в работе «Zur Betonung der litauischen Präsensstämme»¹⁷. Опираясь на установленное Ф. де Соссюром древнее различие между презентными основами с накоренным ударением и презентными основами с ненакоренным ударением, обнаруживаемое по следующему признаку: первые после префиксов и в причастии настоящего времени имеют постоянное накоренное ударение, кроме случаев переноса ударения по закону де Соссюра, в то время как вторые после префиксов и в определенных падежах действительного причастия настоящего времени имеют ненакоренное ударение (I. *nešaiškia, šaiškiąs*; II. *nė-neša, nešąs*), — он исследовал акцентовку действительных причастий настоящего времени на большом материале (по-

¹⁵ См. Chr. Stang. Die litauische Mundart von Zasėčiai im Gebiet von Wilna. // NTS 18. Oslo, 1958. P. 171—201.

¹⁶ См. IF. Bd. 33. 1913—1914. S. 119—120; перепечатана в кн. J. Endzelīns. Darbu izlase. II. Rīgā, 1974. 528—529.

¹⁷ См. KZ. Bd. 51. 1923. S. 1—17; перепечатана в кн. J. Endzelīns. Darbu izlase. III.1. Rīgā, 1979. 360—377.

видимому, на всем доступном тогда материале акцентованных литовских текстов) и пришел к выводу, что различие в акцентовке этой категории отражает древнее различие двух акцентных парадигм глагола: баритонированной и другой, которую он определил как окситонированную. Показания латышских интонаций в глаголах с акутированным корнем в основном совпадают с показаниями ударения действительных причастий настоящего времени в литовском языке. В глаголах на **-sta-*, в которых литовский в представленном материале показывает сплошную баритонезу, Я. Эндзелин для прерывистой интонации вынужден предполагать источник в других формах глагола. В этой же статье Я. Эндзелин связал восстанавливаемую «окситонированную» парадигму литовского глагола с «окситонированной» акцентной парадигмой славянского презенса, т. е. той акцентной парадигмой, которая в настоящее время считается подвижной.

Вслед за Я. Эндзелином, а затем и параллельно с ним исторической акцентологией литовского языка и сравнительно-исторической балтийской (соответственно, балто-славянской) акцентологией занялся К. Буга.¹⁸ Очень хорошо зная литовские диалекты, он постоянно информировал Я. Эндзелина об их акцентных системах¹⁹ и, по видимому, одновременно с ним проделал ту же работу. Это позволило ему в 1923 г. построить стройную систему балтийской сравнительно-исторической акцентологии: «*Kirčio ir priegaidės mokslas*»²⁰. На обширном материале, почерпнутом из древнелитовских акцентированных текстов Н. Даукши и наиболее архаичных диалектов, он подтвердил выдвинутые Я. Эндзелином положения о связи латышских прерывистой и плавной интонаций с литовскими акцентными парадигмами слов с акутированным корнем и принял его интерпретацию

¹⁸ Интерес К. Буги к проблемам балтийской сравнительно-исторической акцентологии отмечается уже в 1908 г., об этом свидетельствует обширная сноска на с. 32-33 в его «*Aistiški studijai*», в которой он защищает точку зрения К. Явниса на проблему отношения литовских и латышских интонаций и отрицает результаты Я. Эндзелина. В дальнейшем он отказался от этой позиции и принял результаты Я. Эндзелина.

¹⁹ Об этом свидетельствуют ссылки Я. Эндзелина и Л. А. Булаховского на письменные сообщения К. Буги, обширная переписка К. Буги с Я. Эндзелином, опубликованная в III томе *Rinktiniai raštai*.

²⁰ См. *K. Būga. Lietuvių kalbos žodynas. I sąsiuvinis. Kaunas, 1924 m. P. XIX—LII*; перепечатано в *K. Būga. Rinktiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961. P. 19—84*.

этой связи. Естественно, его исследование привело к восстановлению первичного (или близкого к первичному) распределения акцентных парадигм в категориях, в которых это распределение в современном литовском языке было потеряно, также и в основах с циркумфлектированным и краткостным корнем. Исходя из предположения о существовании в балтийском баритонированной и окситонированной акцентных парадигм, К. Буга интерпретировал и развитие системы переноса ударения на глагольные приставки в литовском языке. Две акцентные парадигмы балтийского глагола К. Буга связывал с двумя акцентными парадигмами славянского глагола, причем он уже догадывался, что у глаголов с корнями на нешумную эти балто-славянские акцентные парадигмы отразились в акцентовке славянских *l*-причастий²¹. Это отождествление балтийских и славянских акцентных парадигм глагола было правильным, хотя определение характера «окситонированной» парадигмы было ошибочным, речь шла о подвижной акцентной парадигме. Напротив, генетическое отождествление балтийских и славянских акцентных парадигм имени было ошибочным в основе: славянские «окситонированные» имена относились к неподвижному акцентному типу, следовательно, к первично «баритонированной» акцентной парадигме, и не имели никакого отношения к «индоевропейскому», т. е. греко-арийскому, окситонированному типу. Поэтому славянские «окситонированные» имена никак не могут поддерживать положение о колонной окситонезе литовских имен с подвижным акцентным типом. Это положение К. Буга попытался поддержать и внутренними литовскими фактами, он опирался на литовские вторичные локативы, так ударение иллатива *dangaĩ* < *danganà* рассматривалось им как возникшее в результате переноса первичного конечного циркумфлексового ударения винительного падежа **dangā* по закону Ф. де Соссюра на акутированный последог **nā*²². Однако уже в 1911 г. появилась работа, давшая существенно иное объяс-

²¹ См. рецензию К. Бути на книгу Ван-Вейка «Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme» в *Tauta ir žodis. Knyga II. Kaunas, 1924. P. 479—480*; перепечатана в *K. Būga. Rinktiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961. P. 717—719*.

²² Эта аргументация была предложена К. Бугой еще в «*Aistiški studijai*». I. P. 40—41 и поддержана Я. Эндзелином в статье «К литовской акцентуации и имениг. пад. множ. ч. основ на -o. // ИОРЯС. XXI. 2. СПб., 1916. С. 295—312 (специально с. 302—303); перепечатана в кн. *J. Endzelīns. Darbu izlase. II. Rīgā, 1974. 591—606 (специально с. 598)*.

нение подобного рода переносам акцента. W. Schulze в статье *Zur litauischen Accentuation*²³, по-видимому, опираясь на подобные сдвиги акцента в латыни, предположил, что передвижения акцента во вторичных локативах и в возвратных претеритах — результат действия энклитики. Конечно, надежные обоснования у В. Шульце фактически отсутствовали; но в дальнейшем балто-славянская акцентология накопила достаточно большой материал, подтверждающий это предположение²⁴. Распределение глагольных акцентных парадигм было подтверждено у К. Бути большим материалом из текстов Н. Даукши. К. Бута следует тому же распределению, которое было установлено Я. Эндзелином, но разделяет материалы памятников на две зоны: восточную и западную (жемайтскую). Для восточной зоны, опираясь в основном на материал Н. Даукши, он приходит к более жесткому соответствию акцентных типов формам глагольной основы: так *j*-основы у него относятся к подвижному типу исключительно при краткостном корне, распределение акцентных типов в *e/i*-глаголах при акутированном корне приближается к распределению латышских интонаций у соответствующих глаголов; но последнее К. Бута специально не отмечает, по-видимому, под влиянием заданности морфологического распределения рассматривая это распределение как «колебания». Основное отличие глагольной акцентовки жемайтской зоны, восстанавливаемое им по текстам Давкантаса и Валанчюса, это окситонеза *j*-глаголов, независимая от количества корневого слога:

²³ См. KZ. Bd. XLIV. Göttingen, 1911. S. 130—132.

²⁴ Это объяснение в известной степени условно, в действительности следовало бы говорить о сильном запаздывании процесса включения результатов исторических и описательных славистических исследований в индоевропейскую акцентологическую компаративистику. Материалы с переносом ударения на *ca* в формах среднеболгарского аориста были опубликованы А. И. Соболевским в 1907 г. (Лекции по истории русского языка), закономерное фонетическое объяснение известных русских переносов ударения в *l*-причастиях типа *взялся, родился* было дано Л. Л. Васильевым еще раньше в 1905 г. (Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на *-ль* // ЖМНП. 1905, август; К истории звука *ть* в московском говоре в XIV—XVII вв. // ИОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 2). Еще раньше начали издаваться акцентуированные тексты и описания славянских памятников с подобными переносами акцента (О письменех — издан И. В. Ягичем в 1895 г.; Чудовский Новый завет — издан Леонтием в 1892 г.).

- 1) **bengāš* < **bengjāš*: *nepasībengous* D⁵, 89₁₁ (*beñgti*, praes. 3. *beñgia* 'окончить, оканчивать');
- 2) **brūzdāš* < **brūzdjāš*: *brusdous* D¹⁰, 248₁ (*brūzti*, praes. 3. *brūzdžia* 'трудиться, хлопотать');
- 3) **draudāš* < **draudjāš*: *draudans* V¹¹, 253₁₉ (*draūsti*, praes. 3. *draūdžia* 'воспрещать, запрещать');
- 4) **dvokāš* < **dvokjāš*: *dwokans* V³, 388, *dwokas* V¹¹, 279 (*dvōkti*, praes. 3. *dvōkia* 'вонять, испускать зловоние');
- 5) **geidāš* < **geidjāš*: *geidous* D¹⁰, 13₁₅ (*geīsti*, praes. 3. *geīdžia* 'страстно желать, вожделеть');
- 6) **gerāš* < **gerjāš*: *gėrouš* D⁵, 183₂₅, *negierans* V⁷, 64, 98 (*gėrti*, praes. 3. *gėria* 'пить');
- 7) **jautāš* < **jautjāš*: *jautans* V¹¹, 53₂₄ (*jaūsti*, praes. 3. *jaūčia* 'чувствовать; ощущать');
- 8) **kelāš* < **keljāš*: *kėtous* D⁵, 69₁₉, *pakietas* V¹¹, 43₂₈ (*kėlti*, praes. 3. *kėlia* 'поднимать');
- 9) **kentāš* < **kentjāš*: *neuzkiėtas* V¹⁶, 70 (*kėsti*, praes. 3. *keñčia* 'терпеть; выносить');
- 10) **kleidāš* < **kleidjāš*: *nekleidous* D¹⁰, 242₁₄, *iszklejdas* V (*klėisti*, praes. 3. *klėidžia* 'расточать, растрчивать');
- 11) **klūkāš* < **klūkjāš*: *klukous* D¹ orans (*klūkti*, praes. 3. *klūkia* 'клянуть');
- 12) **kulāš* < **kuljāš*: *kólou* D⁵, 216₆ (*kùlti*, praes. 3. *kùlia* 'молотить; бить, колотить');
- 13) **laukāš* < **laukjāš*: *laukans* V⁹, 44, *laukous* D¹⁰, 23₁₉ (*láukti*, praes. 3. *láukia* 'ждать, ожидать');
- 14) **leidāš* < **leidjāš*: *aplejdans* V¹¹, 218₁₉, *atlejdas* V³, 102 (*léisti*, praes. 3. *léidžia* 'пустить, пускать; разрешать');
- 15) **lekāš* < **lekiāš*: *lekous* D¹⁷, 38₅, *belekous* D⁵, 252₁₅ (*lėkti*, praes. 3. *lėkia* 'лететь');
- 16) **lierāš* < **lierjāš*: *lijrans* V¹¹, 253₂₀, *lėjpous* D⁵, 119₂₈ (*liėpti*, praes. 3. *liėria* 'велеть, предписать');
- 17) **mėgāš* < **mėgjāš*: *miegous* D¹ amans (*mėgti*, praes. 3. *mėgsta* и *mėgia* 'любить');
- 18) **meldāš* < **meldjāš*: *metdans* V³, 341, *meldous* D¹ orans (*meīsti*, praes. 3. *meīdžia* 'молить, умолять');
- 19) **skelbāš* < **skelbjāš*: *apskielba* V¹³, II, 261 (*skėlbti*, praes. 3. *skėlbia* 'объявлять, публиковать; оглашать');

- 20) **slepā̃s* < **slepiā̃s*: *slepā̃s* V¹¹, 313, *uzslepā̃* V¹³, II, 261 (*slēpti*, praes. 3. *slēpia* 'прятать, скрывать, таить');
- 21) **stengā̃s* < **stengiā̃s*: *nebstengā̃s* V¹¹, 253₁₂ (*sténgtis*, praes. 3. *sténgi-asi* 'стараться; силиться');
- 22) **šaukā̃s* < **šaukjā̃s*: *iszaukā̃s* V⁷, 21, *neiszaukā̃s* V⁷, 41 (*šāũkti*, praes. 3. *šāũkia* 'кричать; вопить');
- 23) **švietā̃s* < **švietjā̃s*: *szwijtā̃s* V¹¹, 130₁₄, *apszwietā̃s* V³, 262 (*šviēsti*, praes. 3. *šviēčīa* 'светить; просвещать');
- 24) **traukā̃s* < **traukjā̃s*: *traukou* D¹⁰, 242₁₄ (*tráukti*, praes. 3. *tráukia* 'тянуть, тащить, волочить');
- 25) **vagā̃s* < **vagjā̃s*: *wagā̃s* V⁹, 48 (*vōgti*, praes. 3. *vāgia* 'красть, воровать');
- 26) **veikā̃s* < **veikjā̃s*: *nenuweikous* D¹⁰, 200₁₇ (*veĩkti*, praes. 3. *veĩkia* 'делать; действовать, функционировать, работать');
- 27) **verkā̃s* < **verkjā̃s*: *werkous* D¹ flens, D¹⁰, 63₁₅ (*veĩkti*, praes. 3. *veĩkia* 'плакать');
- 28) **žengā̃s* < **žengjā̃s*: *nuzengā̃s* V¹¹, 281₂₀, *neparžengā̃s* V¹¹, 43₂₇ (*žēņgti*, praes. 3. *žēņgia* 'шагать, ступать; шествовать; продвигаться').

Из этой группы глаголов лишь один глагол в текстах данных авторов отмечен К. Бугой как отражающий баритонезу: **gruĩzdā̃s* < **gruĩ zdjā̃s*: *grumsdus* D¹⁰, 118₁₆ (*gruĩzti*, praes. 3. *gruĩzdžia* 'угрожать, грозить').

Акцентовка этой группы глаголов явно вторична: из-за отвердения йогированных основ и перехода их в презенсе в спряжение, восходящее к тематическому типу, их причастия приобрели в жемайтских диалектах акцентовку причастий тематического спряжения. Напротив, аналогичные действительные причастия настоящего времени от *é/i*-глаголов и в жемайтских диалектах, по-видимому, сохраняют в определенной степени следы старого бинарного распределения, отраженного и в распределении в восточной зоне и в латышских интонациях. Этого К. Буга не замечает, но об этом свидетельствует собранный им материал. Таким образом, работа родоначальников литовской исторической акцентологии по истории глагольного ударения привела к первичной литовской системе акцентовки презенса, почти тождественной по морфологическому распределению праславянской акцентной системе презенса. Об этом тождестве писал и Я. Эндзелин в указанной выше статье, сейчас оно может считаться в основном доказанным, так как подвижный характер праславянской акцентной парадигмы презенса тематических глаголов с корнями на шумные по-

казан на обширном материале славянских языков и древних акцентуированных памятников, неподвижный тип акцентовки *j*-praesentia славянских языков соответствует неподвижной акцентной парадигме презенса *j*-praesentia с долготным корнем восточной зоны литовского языка, переход *j*-praesentia с краткостным корнем в подвижный акцентный тип хорошо согласуется с аналогичным переходом в подвижный акцентный тип производных с конфиксами *ra*-...(-*ė*) и *ra*-...(-*i/ys*), образованных от имен неподвижного акцентного типа с краткостным корнем, которые были реконструированы также на материале диалектов восточной зоны (см. БСИ 1980, с. 73—78). Поэтому эта литовская инновация не может считаться даже общелитовской. Бинарное распределение акцентных парадигм литовских *ė/i*-глаголов, устанавливаемое по материалам памятников восточной зоны, следы которого отмечаются и по жемайтским материалам, может считаться балтийским по соответствующим показаниям латышских интонаций и соответствует бинарному распределению акцентных парадигм славянских *ě/i*-глаголов. Сплошной неподвижный акцентный тип литовских *y/ā*-глаголов не может считаться противопоставлением из-за коренной перестройки основы презенса. Подтверждению реконструкции глагольных акцентных парадигм служит у К. Буги и акцентологический анализ отглагольных именных производных. Здесь при анализе существительных на *-imas* он к материалу, извлеченному Я. Эндзелином, добавляет значительную выборку из текстов Н. Даукши, что, впрочем, не дает принципиально новых результатов по сравнению с полученными Я. Эндзелином. Но при анализе отглагольных имен на *-tuvas*, *-tuvė* был получен важный новый результат: анализ подтвердил наличие в пралитовском двух акцентных типов глаголов с корнями на нешумные, распределенных в полном соответствии с распределением плавной и прерывистой интонаций в соответствующих латышских глаголах. Это распределение тождественно праславянскому (см. Дыбо 2000, с. 329—331). Такое решение фактически приводит к восстановлению балто-славянской акцентуационной системы непроизводных глаголов, так же как работы Хр. Станга и В. М. Иллич-Свитыча (см. ниже) привели к реконструкции балто-славянской акцентуационной системы непроизводных имен. К. Буга подтвердил реконструкцию четырех древнелитовских акцентных парадигм прилагательных, так же как и Я. Эндзелин поддержав ее анализом выбора акцентных типов у производных на *-imas* и у сравнительной и превосходной степени (суффиксы их были доминантны).

Использование системы акцентовки производных сопровождалось, однако, убеждением, что акцентовка производных непосредственно указывает на место ударения в производящем, именно поэтому, по-видимому, ни Я. Эндзелин, ни К. Буга не обратились к анализу производных с рецессивными суффиксами, даже в тех случаях, когда это было совершенно необходимо, например, в случаях: *vardiniĩkas*, *darbiniĩkas*, где место ударения не соответствовало окситонному ударению производящей основы.

Работы Я. Эндзелина и К. Буги показали исключительное значение для литовской исторической и балтийской (а равно и балто-славянской) сравнительно-исторической акцентологии материала древнелитовских акцентуированных текстов и необходимость фундаментального изучения, в первую очередь, акцентовки текстов Н. Даукши.

В 1935 г. появилось довольно полное описание акцентной системы текстов Н. Даукши: *Pr. Skardžius, Daukšos akcentologija* (Kaunas, 1935). Пр. Скарджюс, конечно, столкнулся с производными с рецессивными суффиксами и в принципе оценив, что в данном случае мы имеем дело с двумя акцентными типами, один из которых подвижный, по-видимому, рассматривал подвижный тип как результат неполной генерализации накоренной акцентовки неподвижного акцентного типа в типе с насуффиксальным ударением: «*būdvardžiai su ta priesaga, kaip rodo Daukšos kalbos duomenys, seniau buvo dvejaip kirčiuojami lygiai taip pat, kaip ir būdvardžiai su priesaga -inia- ir -inga-, tik ilgainiui tas kirčiavimas buvo daugiau apibendrintas, ir todėl būdvardžiai su priesaga -iška- (išskyrus keliolika iš jų padarytų prieveiksmių) šiandien visur yra šaknyje kirčiuojami*» (p. 162). Это было, конечно, во всех отношениях неудачное решение. Описанный процесс мог ввести формы с накоренным ударением, но формы с ударением на окончании типа gen.sg. f. *Diewiškós, mergiškós, funiškós, weliņiškós, žmogiškós* и под.; gen.pl. *Diewiškų, krikščioniškų, waikiškų, weliņiškų, žmogiškų* и под.; dat.sg. m. *kunigiškám*, dat.pl. f. *krikščioniškómuš*, instr.pl. m. *weliņiškáis*; loc.pl. f. *kunigiškoffé*, — ни из форм неподвижного акцентного типа, ни из форм с доминантным суффиксом возникнуть не могли: во всех этих формах ударение должно было сохраняться на суффиксе. Это был явно шаг назад по сравнению с тем целостным видением акцентной системы литовского языка, которое удалось сформировать Ф. де Соссюру. Наконец, уже в 1927—1930 годах появились работы Л. А. Булаховского по проблемам акцентовки славянских суффиксальных прилагательных, в которых, правда, при избыточной тоноло-

гической интерпретации, камуфлирующей морфонологические результаты компаративистской процедуры, достаточно ясно проглядывало наличие в праславянском двух акцентных типов у суффиксальных прилагательных, один из которых был подвижным. Тот факт, что Пр. Скарджюс не воспользовался этими результатами в своей работе, свидетельствует, по-видимому, о нарушении связей между представителями восточноевропейской акцентологической школы Эндзелина—Бути—Булаховского после смерти К. Бути.

Несмотря на указанную слабость сравнительно-исторической позиции автора, работа Пр. Скарджюса представляла собой значительное событие в литовской исторической и балтийской сравнительно-исторической акцентологии, а равно и имела важнейшее значение для балто-славянского акцентологического сравнения. Материалы, представленные в ней, и их описательный анализ не могли не привлечь внимания компаративистов славистов и индоевропейцев.

После работы Пр. Скарджюса основные результаты по литовской исторической и балтийской сравнительно-исторической акцентологии связаны с работами по балто-славянскому сравнению.

В работе Хр. Станга «*Slavonic accentuation*» (Oslo, 1957) было показано тождество славянской подвижной акцентной парадигмы литовской 3 акцентной парадигме, что не только доказывало «грамматический» (по терминологии Ф. де Соссюра) характер славянской подвижности, но и относило время возникновения литовской «грамматической» подвижности по крайней мере к балто-славянскому периоду (независимо от того, как хотел бы рассматривать этот период исследователь). Это исключало из литовской исторической акцентологии как устаревшие все интерпретации, связанные с попытками объяснить литовскую «грамматическую» подвижность какими-либо процессами, происходившими в истории самого литовского языка, и делало научным анахронизмом всяческие попытки связать какие-либо особенности литовского глагольного ударения непосредственно с древнеиндийским глагольным ударением, минуя балто-славянское сравнение.

В разделе этой своей работы «*The Relationship between the Slavonic and Baltic Verbal Accentuation*» (p. 155—167) Хр. Станг, следуя результатам, полученным Я. Эндзелином и К. Бутой, показал в основных чертах генетическое тождество балтийской и славянской глагольных акцентуаций. Переинтерпретация «окситонированной» парадигмы Я. Эндзелина и К. Бути в подвижную полностью соответство-

вала представленным ими материалам, более сложное положение представляла акцентовка *j-praesentia*, где Хр. Станг восстанавливал колонное ударение на тематическом гласном (точнее, на суффиксе *-ja-*) и ему пришлось использовать прием перестройки (современное представление об акцентовке этой группы в праславянском значительно лучше соответствует балтийской акцентовке).

В 1962 г. мы с В. М. Иллич-Свитычем показали, что славянская «окситонированная» акцентная парадигма имен и, соответственно, «окситонированная» (по Хр. Стангу) акцентная парадигма глаголов генетически тождественны балтийской баритонированной акцентной парадигме с краткостным или циркумфлектированным корнем²⁵. Это в сущности решало проблему генетического тождества балтийской и славянской акцентных систем во всем объеме лексико-грамматических категорий. В 1963 г. вышла книга В. М. Иллич-Свитыча «Именная акцентуация в балтийском и славянском», в которой он проведя историческое исследование акцентовки в балтийском (по неакцентированным корням в литовских диалектах и памятниках) и в славянском, восстановил древнейший характер и вид этих парадигм в корпусе основ, имеющих индоевропейскую этимологию, и сравнил их с соответствующими основами в индоевропейских языках, сохранивших или отразивших индоевропейский акцент, показал генетическое тождество их акцентовок.

В 1968 г. я показал генетическое тождество славянской и балтийской систем порождения акцентных типов производных²⁶, а в 1981 опубликовал конспективное изложение реконструкции балтийской (пралитовской) системы порождения акцентных типов производных²⁷. В 1989 г. С. Л. Николаевым было показано генетическое тождество

²⁵ См. Дыбо В. А. Рецензия на кн. *Chr. S. Stang. Slavonic accentuation*. Oslo, 1957. // Структурно-типологические исследования (сборник статей). М., 1962. С. 220—225; Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 3—27; Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В. М. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 70—87.

²⁶ См. Дыбо В. А. Акцентология и словообразование в славянском. // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968 г. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 148—224.

²⁷ Дыбо В. А. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском. // БСИ 1980. М., 1981. С. 65—89.

балтийской и славянской систем метатонии²⁸. Таким образом, в настоящее время генетическое тождество балтийской и славянской акцентных систем обнаружено фактически во всех областях их языковых систем с тонкими деталями их организации и функционирования.

Скудный прусский материал был всё же достаточно надежно включен в балто-славянское сравнение благодаря работам Ф. Ф. Фортунатова (Фортунатов 1895 – генетическое отождествление прусских рефлексов балто-славянских слоговых интонаций), Н. Ван Вейка (Van Wijk 1918 – балто-славянское отождествление двух акцентных типов прусского глагола) и Ф. Кортландта (Kortlandt 1974 – закон Кортландта: передвижение акцента с внутреннего краткого слога на следующий слог).

2. Итоги компаративистской процедуры и исторического исследования и их интерпретация.

Итак, литовский язык был введен в область индоевропейской акцентологической компаративистики раньше, чем получил какую-либо балтийскую компаративистскую обработку или обработку в русле исторических лингвистических исследований. Потом возникла возможность объяснения латышских просодических явлений посредством латышско-литовского акцентологического сравнения. И лишь затем, чтобы решить проблемы, возникшие в результате литовско-латышского акцентологического сравнения, была построена литовская историческая акцентология. Это почти стандартный путь развития исторических и сравнительно-исторических дисциплин в языкознании, который следует, однако, специально учитывать при рассмотрении его результатов и определении направления дальнейших исследований.

Я имею в виду следующее: в любом компаративистском исследовании посылки (предварительные интерпретационные гипотезы) при успешном его завершении, как правило, сохраняются без существенной перестройки, сам факт результативности определенной посылки представляется как доказательство верности ее в полном объеме. Например, в 1899 г. П. Шмидт в работе «Троякая долгота в ла-

²⁸ Николаев С. Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки. // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 46–109.

тышском языке» (Сборник ОРЯС импер. Академии наук. Т. LXVII, № 2, с. 1—48) высказал предположение, что «тройкая долгота гласных была уже в индоевропейском праязыке»; Я. Эндзелин специально отмечает это в статье «Заметки к латышской акцентовке» и оценивает эту догадку как ничем не обоснованную и даже вполне невероятную (с. 141), тут же он дает свое объяснение, как возникли установленные им соответствия: «Итак, первому периоду пралатышского языка, имеющему еще вольное словоударение, приписываю долготы акутованную и циркумфлексованную. Затем же, все еще в пралатышском языке, произошла оттяжка словоударения: оно приблизилось на один слог к началу слова, как в сербской штокавщине и в некоторых литовских говорах... С того времени общелатышский язык имел уже тройкое слогуударение. Циркумфлексованные долготы произносились с нисходящею интонациею; те акутованные долготы, которые искони имели на себе словоударение, произносились с длительною интонациею, а те акутованные долготы, которые получили словоударение только вследствие упомянутой оттяжки словоударения, произносились первоначально, вероятно, с восходящею интонациею...» (с. 142—143) «После оттяжки словоударения в пралатышском языке слова с акутованным коренным слогом, имевшие вольное словоударение, произносились с длительною интонациею коренного слога в тех формах, где этот слог искони имел над собою словоударение, а при «передневторичном» словоударении этого слога — с восходящею (или позже с прерывистою) интонациею: напр., им. п. ед. ч. *galva* «голова́» с восходящею интонациею слога *gal-*, а вин. п. *galvi* «го́лову» с длительною, ср. ВВ. XXV, 268. Со временем, однако, совершилось обобщение одной из обеих интонаций, в большинстве случаев — восходящей (прерывистой), реже — длительной» (с. 145).

Описанный Я. Эндзелином процесс возникновения прерывистой интонации был теснейшим образом связан с процессом аналогического ее распространения на все словоформы слова, процессом ее генерализации. Но этот процесс не может быть столь непреложен, как фонетический процесс, он действительно в одних случаях должен был давать победу прерывистой интонации, в других — плавной. Этот случай Я. Эндзелин и предполагал первоначально в соответствиях прилагательных. Но оказалось, что древнелитовские акцентные парадигмы прилагательных довольно хорошо соответствуют латышским интонациям, а в тех случаях, когда древнелитовские тексты показывают все же подвижную а.п. при плавной интонации в латыш-

ском, славянские данные поддерживают первичность латышских показаний. Проведенные исторические и сравнительно-исторические исследования все больше и больше подтверждали установленные Я. Эндзелином соответствия, но одновременно делали все более сомнительной предлагаемую Я. Эндзелином их интерпретацию.

Эта интерпретация могла быть поддержана, если бы удалось доказать, что в прабалтийском соответствующие имена и глаголы имели не подвижную, а окситонированную акцентную парадигму; но исследование Хр. Станга продемонстрировало балто-славянский характер подвижности в имени, а в балто-славянском характере подвижности ударения в соответствующей глагольной акцентной парадигме после работы Хр. Станга и последовавших за ней исследований невозможно сомневаться. Настойчивое привлечение к доказательству первично окситонированного характера литовских подвижных акцентных парадигм производных с доминантными суффиксами имело определенное значение до тех пор, пока не был показан подвижный характер соответствующих акцентных типов у производных с рецессивными суффиксами.

Как только это обнаруживается, наиболее интересными, вопреки замечанию Ф. де Соссюра, оказываются не суффиксы третьей категории (доминантные), а именно суффиксы второй категории (рецессивные), при которых ударение в производных от имен, которые и Я. Эндзелин, и К. Буга считали окситонированными, оказывается или на начале основы (если окончание рецессивное), или на окончании (если окончание доминантное), т. е. никак не на том слоге, на котором оно должно было стоять, если бы производящее было окситонированным. Таким образом, из наших рассуждений мы должны устранить понятия «окситонеза» — «баритонеза» (как обозначения конечного и неконечного ударения, имманентно присущего основе) и вполне всерьез принять отождествления Ф. де Соссюра: «вторая [категория суффиксов] аналогична окончаниям в типах Z и $Z\alpha$, третья — окончаниям в типах Ω и $\Omega\alpha$ ». Но как только мы согласимся с этим отождествлением, нам ничего не остается сделать, кроме как перенести его на случаи, когда элементом, предшествующим окончанию является корневая морфема: корни подвижной а.п. аналогичны окончаниям в типах Z и $Z\alpha$, корни неподвижной а.п. — окончаниям в типах Ω и $\Omega\alpha$. Но просодические различия окончаний в типах Z и $Z\alpha$ и окончаний в типах Ω и $\Omega\alpha$ в атематической группе основ отмечены не только в славянских и балтийских языках, но и в древнеиндийском

и греческом языках, а окончания тематических и \bar{a} -основ являются результатом контракции основообразующих формантов с соответствующими окончаниями атематического склонения.

Таким образом, развитие сравнительно-исторических и исторических исследований в области балтийской акцентологии жестко приводит к снятию основных посылок, с которых оно начиналось: нет проблемы возникновения балто-славянской подвижности акцента из и.-е. окситонезы, проблемой является возникновение греко-арийской окситонезы из и.-е. подвижности; нет также проблемы возникновения различия между плавной и прерывистой интонациями в латышском, так как плавная нормально отражает доминантный, а прерывистая — рецессивный акут.

Важнейшим, или как принято говорить, переломным моментом в реконструкции праславянской и, соответственно, балто-славянской акцентуационной системы явилась реконструкция системы выбора акцентных типов производных и системы порождения акцентных парадигм «производных» категорий глагола (т. е. установление действия второго принципа парадигматического акцента в праславянском и балто-славянском). Реконструкция этих систем и обнаружение их тождества и тем самым доказательство фактического охвата единой системой порождения акцентных типов всей системы языка и привели к радикальному изменению самого взгляда как на реконструируемую систему, так и на современные и зафиксированные в памятниках письменности акцентные системы языков-потомков. Способ реконструкции «по фрагментам», когда отдельные «фрагменты» системы (например, акцентные системы презенса, аориста, причастий различных морфологических групп глаголов, акцентные системы различных словообразовательных типов имен и а.п. производящих) реконструировались автономно, а реконструкция системы возникала в результате совпадения дистрибутивных характеристик этих «фрагментов», был продиктован самим характером вводимого в сравнение материала. Эта специфика материала, как бы «фрагментарное» отражение в системах-потомках первоначальной системы, была осознана в дальнейшем как результат в разной степени и направленности проведенного вытеснения парадигматического принципа построения акцентной системы категориальным, иначе говоря, как результат генерализации отдельных акцентных типов в определенных словообразовательных типах, категориально организованных группах лексики и грамматических категориях. А это означало, что обычно принимае-

мая как первоначальная связь акцентовки с определенными морфологическими и словообразовательными категориями является в действительности вторичной, первична же акцентная система, автономная по отношению к морфологической системе языка, организованная в соответствии с описанными в «Славянской акцентологии» двумя принципами парадигматического акцента.

Попытки некоторых исследователей оспорить праславянскую и балто-славянскую акцентологическую реконструкцию, объясняя фрагменты парадигматической системы в языках-потомках как вторичные, или объяснить ее как результат вторичного развития в балто-славянском выглядят в высшей степени искусственными, продиктованными скорее нежеланием их авторов примириться с крушением привычного взгляда, нежели серьезными научными основаниями. Введение морфонологического анализа, описанного в «Славянской акцентологии», логически вытекает из характера реконструированной системы, но никак не связано с самим процессом реконструкции. Как было продемонстрировано там же, этот анализ и сопоставление систем непременно приводит к интерпретации установленных соотношений как отображения системы индоевропейских тонов (скорее всего регистровых). Какой-либо иной интерпретации при данном уровне исследования акцентологических и тонологических процессов в языках мира предложить, по-видимому, невозможно.

Принятые сокращения и литература

Бернштейн I	Бернштейн, С. Б. <i>Очерк сравнительной грамматики славянских языков</i> . М., 1961.
БСИ	<i>Балто-славянские исследования</i> . Москва.
Винтер(а закон)	см. Dybo, V. A. <i>Balto-Slavic Accentology and Winter's Law</i> . // <i>Studia linguarum</i> , 3/2. М., 2002. P. 295—515.
Грамм. Дыбо 2000	<i>Грамматика литовского языка</i> . Вильнюс, 1985. Дыбо, В. А. <i>Морфонологизованные парадигматические акцентные системы</i> . Типология и генезис. Т. I. М.
ЖМНП	<i>Журнал Министерства народного просвещения</i> . СПб., 1867—1917.
ИОРЯС	<i>Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук</i> . СПб., 1896—1927.
Сборник ОРЯС импер. Академии наук	<i>Сборник Отделения русского языка и словесности Импер. Академии Наук</i> . СПб., 1867 и сл.
Фортунатов 1895	Фортунатов Ф. Ф. Об ударении и долготе в балтийских языках, I. // <i>Русский филологический вестник</i> , т. XXXIII, с. 252-297.
Хирта — Иллич- Свитыча закон	см. Иллич-Свитыч, В. М. <i>Именная акцентуация в балтийском и славянском</i> . Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
Aistiški studijai	Buga, K. <i>Aistische Studien. Beiträge zur vergleichenden Grammatik der preussischen, lettischen und litauischen Sprache</i> . I-er Teil. Peterburgas, 1908.
AslPh.	<i>Archiv für slavische Philologie</i> , begründet von V. Jagić. Berlin, 1876—1929.
ВВ	<i>Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen</i> , hdb. Ad. Bezzenger. Bd. 30. Göttingen, 1877—1906.
Endzelīns	Jānis Endzelīns. <i>Darbu izlase</i> . I—IV. Rīga, 1971—1982.
IF	<i>Indogermanische Forschungen</i> . Straßburg, 1892 и сл.

-
- Kortlandt 1974 Kortlandt F. H. H. Old Prussian accentuation. // *KZ* 88, S. 299-306.
- KZ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, begründet von A. Kuhn. Berlin, 1852 и сл.
- NTS *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Oslo.
- Van Wijk 1918 Van Wijk N. *Altpreussische Studien. Beiträge zur baltischen und zur vergleichenden indogermanischen Grammatik*. Haag.